

5.1.1

Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)
Theoretical and Historical Legal Sciences

DOI: 10.33693/2782-7372-2026-5-1-11-19

УДК: 34.01

ГРНТИ: 10.09

EDN: NIFEON

Право в современном технологическом обществе

Н.Г. Иванов^{1, a} ©, М.Э. Мирзоян^{2, b} ©

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (ВГУЮ) (РПА Минюста России),
г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация

^a E-mail: puasson2008@yandex.ru

^b E-mail: maria1657@yandex.ru

Аннотация. Современное общество характеризуется, в частности, экспансией технологических новшеств, внедряемых практически во все сферы жизнедеятельности социума. При этом внедрение технологических процессов игнорирует нравственные константы общественного развития, которые должны преобладать при любых начинаниях, а тем более начинаниях социального плана. В особенности устрашает бездумное, но планомерное включение генеративных моделей в жизненно важные процессы социального развития, как, например, медицина, юриспруденция, финансовая деятельность. Несмотря на предупреждения переживающих исследователей, процесс, по незабываемому лекалу одного из руководителей нашего государства, идет. А между тем технологические модели не застрахованы от ошибок, которые особенно опасны в отсутствии человеческих усилий, основанных на разуме. Остановить такого рода экспансию или, по меньшей мере сделать ее менее опасной для социума может, в частности, право, которое, однако, в современном его состоянии не в силах оказать должное воздействие на атаку технологических моделей, которая поддерживается руководителями государства. В статье предлагаются варианты нормативного сдерживания технологической экспансии.

Ключевые слова: технологическая атака, генеративный, система ценностей, теория Маркузе, право

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Н.Г., Мирзоян М.Э. Право в современном технологическом обществе // Лоббирование в законодательстве. 2026. Т. 5. № 1. С. 11 – 19. DOI: 10.33693/2782-7372-2026-5-1-11-19. EDN: NIFEON

Law in a Modern Technological Society

N.G. Ivanov^{1, a} ©, M.E. Mirzoyan^{2, b} ©

¹ All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russian Federation

² Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: puasson2008@yandex.ru

^b E-mail: maria1657@yandex.ru

Abstract. Modern society is characterized, in particular, by the expansion of technological innovations that are being introduced into almost all areas of social life. However, the introduction of technological processes ignores the moral constants of social development, which should prevail in any endeavor, especially in social planning. The thoughtless but systematic inclusion of generative models in vital processes of social development, such as medicine, law, and finance, is particularly alarming. Despite the warnings of the concerned researchers, the process is ongoing, following the unforgettable example of one of our country's leaders. However, technological models are not immune to errors, which are particularly dangerous in the absence of human efforts based on reason. In particular, the law can stop such expansion or at least make it less dangerous for society, but in its current state, it is unable to effectively counter the attack on technological models supported by government leaders. This article proposes options for regulating technological expansion.

Key words: technological attack, generative, value system, Marcuse's theory, law

FOR CITATION: Ivanov, N.G., Mirzoyan, M.E. (2026). Law in a modern technological society. *Lobbying in the Legislative Process*, 5(1), 11–19. DOI: 10.33693/2782-7372-2026-5-1-11-19. EDN: NIFEON

FOR CITATION: Ivanov N.G., Mirzoyan M.E. "Law in a Modern Technological Society." *Lobbying in the Legislative Process*. Vol. 5 no. 1 (2026): 11–19. DOI: 10.33693/2782-7372-2026-5-1-11-19. EDN: NIFEON

ВВЕДЕНИЕ

«Человек – это звучит гордо», – монолог Сатина из пьесы Горького «На дне». Эту фразу часто интерпретируют с акцентом на величие человека. Но вспомним, что Сатин – житель ночлежки и карточный шулер. Он произносит эту фразу за бутылкой водки, будучи в сильном подпитии, и прерывает свой монолог возгласом «Выпьем за человека, Барон!».

Тезис «Человек – это звучит гордо» привлекателен с позиций апологии человека, который испытывает трудности современного бытия, но в жалости и участии не нуждается, поскольку он самодостаточен и способен постоять за свои идеалы. В таком контексте человек, по большому счету, не нуждается и в Боге, поскольку сам наделен способностями решать любые вопросы, не исключая и нравственного порядка.

Противоположным этому тезису Горького звучит цитата Эриха Марии Ремарка из книги «Триумфальная арка»: человек слаб и в этом заключается его прелесть. Пожалуй, следует согласиться с мнением Ремарка, учитывая исторические этапы развития и становления человека, всегда *volens nolens* подчиняющегося воле демиурга и часто страдающего от этого.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Человек покоряется доминирующей в данный момент системе ценностей, выгодной и удобной либо для правящих кругов, либо для имперского владыки, подчиняющего своей воле амбиции ближнего и дальнего круга. Это неизбежность развития всякого социального образования, включая государство на любой стадии его развития, начиная с дошумерских коопераций. Правило Аугсбургского договора о религиозном мире 1555 г. *Cujus regio, ejus religio* (чья власть того и вера) – действует безукоризненно, а в случае сомнения в его истинности приходит в действие другое правило, выведенное Эразмом Роттердамским в Похвале глупости и названное правилом кабака – либо пей, либо вон. Разумеется, возможны исключения, которые начинаются с фронды и могут заканчиваться революциями. Но такие исторические моменты, повторимся – исключение из общего правила и случаются только в результате рождения пассионария.

Доминирующая система ценностей может быть выражена любым способом – конклюдентными знаками,

Иванов Н.Г., Мирзоян М.Э.

вербальными указаниями или нормативными императивами, включая законоустановления. В большинстве своем современное общество развивается на основе нормативных императивов, которые выступают либо в виде законов, либо в виде подзаконных актов, либо в виде стратегий развития или других письменных документов «нормативного генеза». В этом контексте технологическое или, как его иначе именуют, техногенное общество представляет собой общественную систему, основанную на перманентном развитии науки и технологий, которые являются фундаментом масштабного производства и использования искусственной техносферы, подчиняющей себе, в результате нормативных императивов, человека и определяющих его дальнейшие стремления (трансгуманизм).

Современные технологии стали агрессивно вторгаться в социальное пространство, разрушая нравственные константы общества и подтверждая тезисы Руссо об опасности научного прогресса, который разрушает нравственность. Примечательным в данной связи являются слова изобретателя вертолета Игоря Сикорского, предупреждавшего, что если человечество не будет совершенствоваться в нравственном отношении пропорционально интеллектуальному прогрессу, то ему грозит вырождение или гибель [10]. Вырождение и гибель в результате технологической экспансии грозит и системе нравственных констант, существующих со времен десяти заповедей, а главным образом отражающих идеал человеческой гармонии, заключенный в золотом правиле. Об этом сейчас говорят многие исследователи современного постмодернистского общества.

Неизбежная покорность доминирующей системе ценностей отождествляет человека с ведущей идеологией и превращает его в «одномерного человека» – формула Герберта Маркузе, которая означает, что современная технологическая агрессия вторгается в относительно независимое личное пространство человека, практически полностью исключая эту независимость. В результате человек оказывается во власти полного контроля со стороны техногенных манипуляций, что напоминает паноптикон или паноптикум – проект идеальной тюрьмы, разработанный Иеремией Бентамом, и действует исключительно в рамках ценностей, навязанных ему системой. Такую форму контроля Маркузе назвал «мимесис», используя термин, разработанный мыслителями древней Греции, который можно перевести как подражание. Этот термин нес в себе масштабную палитру эстетических свойств рассматриваемого предмета и считался важнейшим условием развития эстетических представлений человека. Аристотель даже разработал эстетическую концепцию мимесиса, смысл которой заключался во фразе: «Искусство подражает природе». Но мимесис современного мира далек от его понимания древнегреческими мыслителями. Вместо эстетических констант современный мимесис Маркузе и последователей как тотальный контроль, превращает человека в дополнение к технике, хотя очевидно, что должно было бы быть наоборот. Ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов с восторгом отмечает в данной связи: «Сегодня развиваются системы, основанные на искусственном интеллекте. Вот они-то и приведут к крупнейшей в истории после появления

печатной книги и массовой школы образовательной революции»¹, а авторы статей, посвященных цифровизации системы образования отмечают, как мы полагаем, с огромным удовольствием, что цифровизация образования приведет к изменению роли педагога, который в дальнейшем не будет объяснять тот или иной материал, а будет помогать найти расположение этого материала и понять его [8; 11].

Техногенная экспансия как неуправляемая и вместе с тем свободная от критического анализа включение цифровых моделей во все сферы жизни общества под неизменным и самым привлекательным для политиков лозунгом – благо народа, всецело поддерживается политическими декларациями, выходящими из уст руководителей государства, что представляет идею повсеместного использования технологических систем соблазнительной для бюргера, привыкшего верить обещаниям и призывам. Так, на пленарном заседании форума «Микроэлектроника-2024», проходившем на территории Сириус, Михаил Мишустин высказался в том смысле, что интеллект и технический прогресс являются главной силой развития современного государства², забыв о нравственных константах (вновь к предупреждениям Руссо), которые на самом деле являются преобладающими над всеми другими составляющими компонентами развития. В итоге рождаются идеи, которые заставляют еще более интенсивно опасаться не столько за истинность конституционных гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина (это вторично), сколько за опасность создания одномерного сервильного существа, способного только угождать и подчиняться. Так, коллектив психологов первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. Павлова и специалистов в области информационных технологий Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, представили проект искусственного интеллекта (ИИ), построенный на основе нейронных сетей, которые копируют структуру и функционирование головного мозга. Благодаря таким системам станет возможным выявлять группы людей, склонных к деструктивному поведению, что и является задачей разработчиков. Система будет функционировать так: психологи разработали варианты поведения деструктивного плана, а специалисты по информатике создали ИИ, способный анализировать информацию о деструктивном поведении, которую они намерены получать через соцсети и маркировать деструктивность, дабы на заключительном этапе компетентные органы могли принять необходимые меры³. Под заманчивым тезисом о снятии деструктивных угроз явно проступает диктаторская атака на частную жизнь, поскольку в таком контексте анализу будет подвергаться каждый житель страны (практически каждый является пользователем соцсетей) и, на основе анализа, сделанного ИИ, будут предложены далеко идущие выводы, которые сами по себе станут претендовать на деструктивность. Кроме того, подобная

¹ Агранович М. Накликать зачет // Российская газета. 2019. 19 февраля. № 36 (7794).

² URL: <https://tass.ru/>

³ Медведев Ю. Охота на негатив // Российская газета. 2019. 6 марта. № 49 (7807).

схема определения деструктивности нарушает основные права и свободы человека, признанные ст. 23 и 24 Конституции РФ. Несмотря на конституционные нарушения, предложение имеет поддержку главным образом в среде правящего демоса и, очевидно, будет реализовываться. А между тем система может ошибаться, о чем свидетельствует и автор цитируемой статьи, приводя в качестве примера аналогичные разработки канадских исследователей. «Так, канадские ученые учили ИИ отличать грубые шутки или «язык вражды» от просто обидных. Система оказалась довольно несовершенно, к примеру, пропускала многие очевидно расистские высказывания»⁴. Ошибки в процессе использования искусственного интеллекта небезобидны, тем более, если они совершаются в праве, в медицине. Они в состоянии повлиять на судьбу человека, на его жизнь. Разумеется, человек также склонен к ошибкам. Но при должной внимательности он может вовремя ошибку исправить, а о внимательности машины говорить, полагаем, преждевременно.

Выявление с помощью ИИ деструктивных реакций на основе анализа данных о человеке, полученных через соцсети означает, помимо противоправного вторжения в частную жизнь, стигматизацию человека, которая станет основой для дальнейших действий компетентных органов. В цитируемой статье содержится прямой призыв к этому: «Смотрите и принимайте меры»⁵. К чему приведут (мы даже не употребляем прогностический термин «могут» привести, т.к. опыт подсказывает: если начало положено, следует ждать неперемного продолжения с обязательной финальной кодой) такие начинания?

В этом же контексте интересен проект сотрудников Вятского государственного университета, названный «оцифровка русской души», поддержанный В.В. Путиным. Проект предлагает алгоритм определения настоящего русского на основе набора определенных стереотипов. Вряд ли выработанные вятскими исследователями стереотипы разгадают извечно мучавшую и лириков, и физиков загадочность русской души, но легко могут быть использованы как непререкаемая истина в определенных целях, учитывая, тем более, одобрение первого лица.

Вторжение техногенных моделей в личное пространство человека провозглашается на достаточно высоком уровне, превращаясь в нормативные программы, подлежащие реализации, но непременно под оправдывающим любые начинания лозунгом демократических новшеств. В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденной указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 появился оригинальный неологизм – «электронная демократия» (пп. «ж» п. 40 «Стратегии»). Правда, с каким феноменом он связан – с угрозами или благами, и что это такое в отличие от демократии обыденной, не ясно, но занятно! В качестве таковой электронной демократии представлена концепция умного города в плане развития Москвы до 2030 г., которая называется «Умный город

2030. Направления развития умного города. Человеческий и социальный капитал». В разделе «Социальная сфера» предложен такой вариант развития: «Постепенный отказ от использования физических носителей и переход к идентификации жителя по биометрическим данным».

В контексте нашего изложения особый интерес представляет сфера здравоохранения, выдержки из которой следует привести максимально полно:

- «получат дальнейшее развитие носимые цифровые медицинские устройства и «умная» одежда, что будет поддерживать стремление москвичей к ведению здорового образа жизни и способствовать предотвращению заболеваний;
- носимые устройства, датчики и сенсоры в одежде горожан будут заблаговременно подавать сигнал в городскую медицинскую информационно-аналитическую систему о предполагаемом ухудшении здоровья или внезапном несчастном случае, вызовут врача на дом или скорую помощь на место происшествия;
- на основе данных об образе жизни и здоровье москвичей, полученных от датчиков, страховые компании будут вычислять размер страховых выплат;
- итогом геномного сканирования станет разработка «генетических» цифровых платформ и их наполнение картами генных сетей с индивидуальными проблемными дефектами, которые будут служить источником данных для анализа, научных исследований, образовательных программ вузов и машинного обучения».

На первый взгляд и при должной идеологической обработке такого рода меры показывают заботу демиурга о насущных потребностях граждан, но в сущности они необходимы для торжества дисциплинарного общества, предлагаемого Мишелем Фуко в его книге «Надзирать и наказывать», которое построено по принципу монашеских келий – все под одной крышей, все регламентировано и каждый находится в поле зрения надзирателя. В таком обществе очень удобно контролировать граждан, зная и умело используя их переживания. Современные российские политические деятели рассуждают именно в таком контексте. Например, Герман Греф: «Как только люди поймут основу своего «я», самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими, будет чрезвычайно сложно» [7]. Паноптикон, т.е. идеальная тюрьма Иеремии Бентама – полная аналогия дисциплинарного общества.

Тотальная, неконтролируемая разработка технологических устройств, призванных в рамках сопровождающей разработку идеологии «во благо народа», создать рай на земле, приводит к непоправимым ошибкам и злу, которое неизбежно сопровождается технологические процессы бесконтрольного производства. Вспомним сожаления разработчиков атомной бомбы по поводу созданного ими детища. Искусственный интеллект, в особенности его генеративные модели, необходимость и полезность которых постоянно пропагандируется как замена человеческих усилий в выступлениях различного рода видных деятелей, способен причинять невосполнимый ущерб, поскольку он не в состоянии полностью заменить человека. Так, разработанная «диагностическая система «Аида» выдает 13% ошибок. При 15 миллионах визитах к врачам в год это 2 миллиона

⁴ Медведев Ю. Охота на негатив // Российская газета. 2019. 6 марта. № 49 (7807).

⁵ Там же.

Иванов Н.Г., Мирзоян М.Э.

ошибок, что почти в 30 раз больше чем 70 тысяч ошибок медиков по данным минздрава»⁶. И это факт, несмотря на заверения Президента о том, что цифровые технологии в медицине позволяют снизить риск медицинских ошибок⁷. Итог диагностических ошибок хорошо известен. Можно представить, как неразбериха начнется, когда искусственный интеллект заменит человека в других жизненно важных сферах социального бытия – финансовой, правовой. И это вовсе не фантазия, поскольку существует реальная опасность таких метаморфоз. Так в настоящее время развернулась общественная дискуссия о месте искусственного интеллекта в судебной системе. В центре спора – вопрос о том, допустимо ли машине участвовать в создании документов, от которых зависит человеческая судьба⁸.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВЕ

Современные технологии уже используются в судебной деятельности. Не так давно в России была внедрена система машиночитаемых документов «Магис», она позволила автоматизировать приказное производство в мировых судах (пока еще ее используют не во всех субъектах РФ), также применяются уже ставшие всем привычными сервисы «Мой арбитр» и ГАС «Правосудие», на стадии разработки находится ряд других сервисов, призванных разгрузить работу судов.

Новый стимул развитию ИИ дан Национальной стратегией развития ИИ до 2030 г. 15 февраля 2024 г. принят Указ Президента РФ № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом», что актуализирует обозначенную тему на годы⁹.

Учитывая высокую нагрузку в судебной системе, которая имеет неуклонную тенденцию к постоянному возрастанию, значение процессов цифровизации правосудия приобретает приоритетную цель в развитии современного правосудия. Так, если в 2020 г. судами было рассмотрено 38 млн дел, то в 2021 г. – 39 млн дел, в 2022 г. – 40 млн дел, в 2023 г. – 39 млн дел, а в 2024 г. – 42 млн дел¹⁰.

В научных публикациях отмечается, что постепенно ИИ будут переданы отдельные сферы судебной юрисдикции, уже имеющие машиночитаемый формат и обладающие правовой определенностью в судебной практике. В частности, такие как приказное производ-

ство по налоговой задолженности; индексация присужденных денежных средств; заявление о взыскании денежных средств по договорным обязательствам при условии отражения хозяйственных операций в соответствующих регистрах; заявление о повороте исполнения судебного акта; заявление о включении требования в реестр кредиторов по присужденным долгам [6].

Попытки использования ИИ в правосудии принимались и принимаются многими странами, но делается это поэтапно и осторожно. Например, в Австралии программа Split Up на основе ИИ используется при разделе имущества в бракоразводных процессах; в Финляндии успешно был реализован проект ANOPP, благодаря которому общественность имеет возможность знакомиться с судебными решениями, которые обезличил или псевдонимизировал ИИ; в Эстонии работают над созданием судьи с ИИ; в США алгоритм анализирует риски при разлучении ребенка с семьей, рассчитывает и утверждает сумму залога, анализирует возможность предоставления условно-досрочного освобождения. Наибольший охват по внедрению технологий ИИ в правосудии наблюдается в Китае [1].

На страницах юридической печати можно встретить разнообразные мнения о возможности передачи части функций суда программам ИИ. Например, Е.В. Михайлова подчеркивает: «функции судьи не могут выполняться никакими иными лицами, электронными и цифровыми устройствами. Следовательно, любые акты, сгенерированные при помощи электронных средств, актами правосудия не являются» и, приводя достаточно весомые аргументы, заключает: «Категорически нельзя поддержать идею вынесения искусственным интеллектом судебных решений» [9]. В.А. Лаптев предлагает постепенно внедрять ИИ (технологии judicial-AI) в судебную деятельность и приходит к выводу о возможности «передачи части судебной функции искусственному интеллекту... с целью повышения доверия к суду, исключения технико-юридических ошибок и осуществления правосудия в разумный срок». Указанный автор отмечает, что нормы действующего законодательства необходимо адаптировать под современные информационные технологии и при корректировке норм действующего законодательства возможно применение «информационных технологий с сохранением основополагающих конституционных принципов судебной защиты прав участников общественных отношений» [6].

Искусственный интеллект не может заменить судью, но способен облегчить «рутинную» интеллектуальную работу – например, помочь проанализировать большой массив документов по определенным и заданным критериям (письменных доказательств, допустим); выделить и описать существенные для исследуемого объекта признаки; отобрать наиболее пригодные для производства экспертизы образцы; помочь в квалификации (выборе нормы права) в бесспорных обстоятельствах (где достаточен метод поиска – как в приказном производстве) и т.п. Это одно из очевидных прикладных направлений развития ИИ для целей правосудия (но не взамен его).

Одной из возможных областей применения искусственного интеллекта является прогнозная, или, иначе, предиктивная (от англ. predictive), аналитика, под

⁶ Медведев Ю.А. ИИ, знай свое место // Российская газета. 2024. 13 ноября. № 257 (9499).

⁷ Латухина К. Главное и первичное // Российская газета. 2026. 19 февраля. № 37 (9872).

⁸ Искусственный интеллект вместо судьи: что делать, если приговор пишет нейросеть? // Legal Academy. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-intellekt-vmesto-sudi-cto-delat-esli-prigovor-pishet-neiroset> (дата обращения: 12.04.2026).

⁹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с “Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года”)» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

¹⁰ Доклад Председателя Верховного Суда РФ И.Л. Подносковой по итогам 2024 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/34239/> (дата обращения: 01.07.2025).

которой понимается использование данных, статистических алгоритмов и методов машинного обучения для определения вероятности будущих результатов на основе исторических данных¹¹.

В связи с этим особый интерес вызывает юридическая предиктивная аналитика и, в частности, как ее составная часть, предиктивное правосудие, когда объектом исследования являются обстоятельства судебного дела, а результатом – прогноз решения суда.

Использование юридической предиктивной аналитики несет в себе как много плюсов, так и минусов. К положительным моментам можно отнести повышение эффективности работы юриста, снижение числа случаев преждевременного или необоснованного обращения в суды и, как следствие, снижение процессуальных издержек сторон, снижение судебной нагрузки и сокращение сроков рассмотрения дел. К отрицательным сторонам относится снижение квалификации юристов, недостаточное качество прогноза, отсутствие равного доступа к технологии [1].

В науке высказываются опасения, что использование программ предиктивного правосудия ставит суд в определенную зависимость от таких программ, что, в свою очередь, может привести к нарушению основополагающего принципа деятельности судебной власти – независимости суда [2; 5].

Мир не стоит на месте, сегодня искусственный интеллект используется везде. Судебная власть также меняется, использование всех современных и передовых технологий – это неизбежность. Главной задачей видится разработка четких и понятных правил использования искусственного интеллекта в судебной системе с обеспечением безопасности этой технологии. Можно лишь согласиться с утверждением И.И. Черных о необходимости государственного контроля над прогнозированием в сфере законотворчества, правоприменения и при использовании в частной сфере юридических услуг. По мнению автора, требуется разработка правовых основ, методологических основ, средств измерения достоверности юридического прогноза и т.д., и определяющим должно стать участие представителей науки при решении задач по обеспечению такого контроля [12].

Технический прогресс есть неизбежность развития общественного формирования. И эту данность необходимо принимать как закономерный итог эволюционных процессов. Но все должно иметь свои пределы. Необходим контроль, порой весьма жесткий, над новыми технологическими разработками, а в определенных случаях может быть даже запрет такого рода разработок, если они создают очевидную угрозу благополучия человека. Это касается не в последнюю очередь ИИ, которым пытаются заменить человека. Контроль не только за использованием, но и за разработкой технологических моделей следует осуществлять в первую очередь посредством нормативного регулирования. Такой контроль должен быть основан прежде всего на этических доминантах, как, впрочем, и остальные нормоустановления. Надо сказать, что в России существует этический кодекс, который называется «Типовой кодекс эти-

ки и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», одобренный решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции 23 декабря 2010 г., но в нем содержатся только общие фразы, которые по схоластическому образцу можно интерпретировать как угодно, а о влиянии технологического процесса на сферы жизни общества не сказано ничего. Вместе с тем упоминание о техническом прогрессе в контексте этических представлений является необходимым. Но очень сложным, поскольку этика технического прогресса далеко неодинакова для разных сфер общественного бытия. Так, для медицинских работников – это поддержание здоровья организма, для военных – безопасность, для работников социального обеспечения – помощь в благоустройстве и т.д. Поэтому, необходимо выработать единый алгоритм для этических предпочтений в сфере технологий, включающий в себя все возможные нюансы отраслевых особенностей, который должен опираться на золотое правило – относись к другому так, как ты бы хотел, чтобы относились к тебе. В медицине такой алгоритм выработал еще Гиппократ – не навреди. Разумеется, можно злоупотребить и золотым правилом, как это делают современные адепты повсеместного использования технологических моделей практически во всех сферах жизни общества под беспроблемным лозунгом «благо народа» (пример – Чубайс), но в таком случае должны вступить в игру отраслевые правовые возможности – уголовное, административное, гражданское право и процессуальные варианты решения проблем.

Современное право не содержит специальных норм о вредоносности технологических моделей. Российское право использует стандартные модели безопасности в случае вреда, причиненного ИИ, не располагая возможностями специального правового регулирования в случае причинения вреда в результате использования технологий. В нашей стране, правда, издан ряд нормативных актов, затрагивающих сферу высоких технологий. Это, например, Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»; Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»; Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». Но в этих актах содержатся общие положения, которые не касаются ответственности за вред. Поэтому в ситуации вреда в результате использования технологических моделей ответственность наступает по общим правилам с использованием стандартных схем. Например, если аварию на дороге совершит беспилотный транспорт, то в случае нарушения установленной скорости движения ответственность будет наступать по ст. 12.9 КоАП; если в результате такого деяния будет причинен тяжкий вред здоровью – ст. 264 УК, а возмещение вреда

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» // СПС «КонсультантПлюс».

потерпевшему, если такое транспортное средство со- бьет пешехода, будет регулироваться ст. 1079 ГК, уста- навливающей ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Однако, в слу- чае совершения деяния искусственным интеллек- том возникает проблема установления вины, которая имеет исключения в гражданском праве. Статья 1079 ГК устанавливает, что «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасно- стью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строи- тельной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред воз- ник вследствие непреодолимой силы или умысла по- терпевшего».

Согласно ст. 1095 ГК «Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуще- ству юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или не- достаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовите- лем товара, лицом, выполнившим работу или оказав- шим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет». В ч. 2 данной статьи, однако, содержится положение, исключающее «безвиновое» причинение вреда такого содержания: «Правила, пред- усмотренные настоящей статьей, применяются лишь в случаях приобретения товара (выполнения работы, оказания услуги) в потребительских целях, а не для ис- пользования в предпринимательской деятельности». В такой ситуации гражданско-правового регулирова- ния защитить свои права потерпевшему относительно просто, но только тогда, когда товар используется не в предпринимательских целях. В последнем случае, а также в уголовном и административном судопро- изводстве – всегда, вину необходимо устанавливать. Но если в пределах гражданско-правовых отношений ответчик докажет, что, действуя с разумной степенью осмотрительности и добросовестности, не мог знать, что поставленное им оборудование содержит дефек- ты, повлекшие впоследствии причинение вреда истцу, он освобождается от ответственности.

В отношении механических моделей, искусствен- ного интеллекта доказать вину невозможно в силу из- вестных причин, следовательно, необходимо устано- вить вину разработчика алгоритма. Но и это настолько затруднительно, что граничит с невозможностью. Ведь научная разработка всегда, во всех без исключения слу- чаев, несет в себе риски. И даже те механизмы, которые прошли апробацию, не очистились от рисков вреда. На- пример, транспортное средство.

В УК существует норма об обоснованном риске – ст. 41 УК – которая может быть рассмотрена в конте- ксте нашей темы. Мы намеренно употребили сложное составное сказуемое «может быть», поскольку в ст. 41 УК устанавливает вероятность освобождения от уго- ловной ответственности при рискованных предприя- тиях, связанных, в частности, с созданием искусствен-

ного интеллекта с наличием установленных в норме условий. Во-первых, это достижение общественно по- лезной цели. Об этом лозунге мы уже говорили и под- черкивали его релятивность, поскольку определение цели как общественной полезной зависит не столько от самой цели, сколько от амбиций «целеполагателя». Кроме того, одна и та же цель может служить как злу, так и добру. Пример – атомная энергия.

Во-вторых, риск не признается обоснованным и от- ветственность возникает в виде дамклова меча поч- ти что с неизбежностью, если риск связан с угрозами: а) для жизни многих людей, или б) экологической ка- тастрофы, или в) общественного бедствия. Но ведь такой риск также существует практически во всех но- вациях, особенно техногенного или фармацевтическо- го свойства. Например, если ИИ разработал фармако- логический препарат, представив его как панацею, но от него умер пациент, то разве можно утверждать, что такой препарат не представляет угрозы для жиз- ни многих людей, хотя понятие «многие люди» до сего времени не определено? Или беспилотный транспорт: «В ходе эксперимента по тестированию беспилотных автомобилей, который идет в России с 2022 года, было зафиксировано 36 аварий с их участием»¹². Бог знает, какой масштаб угрозы содержится в этом беспилотном агрегате, но российские адепты этого новшества (Со- бянин...) активно продвигают его на рынке. Поэтому следует учитывать, что из-под маски мифа права, ко- торый опирается на такие метафизические категории как законность и справедливость, всегда проглядыва- ет господство и целесообразность, которые И.А. Иса- ев назвал «демоны права» [4]. И последнее по поводу возможностей норм ст. 41 УК в контексте нашей темы – риск не признается обоснованным, если связан исклю- чительно с масштабными событиями: гибель многих, или экологическая катастрофа, или общественное бедствие. Последний признак настолько объемлен, судя по его определению в ст. 1 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (чрезвычайная ситуации в этом определении ассоциируется с общественным бедствием, что вполне логично, ибо без последнего не было бы и первого), что включает в себя все воз- можные негативизмы, «которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здо- ровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнеде- ятельности людей» (ст. 1 цитируемого ФЗ). А как быть с локальными угрозами, игнорирование которых недо- пуσιμο, поскольку безнравственно? Вспомним фразу Достоевского, вложившего в уста Ивана Карамазова слова: «Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не сто- ит она слезинки хотя бы одного только замученно- го ребенка...».

Но самое главное, почему ст. 41 УК не годится в рам- ках регулятивных возможностей, связанных с созда- нием и внедрением искусственного интеллекта, заклю- чается в его генеративной версии. Если программиста

¹² Стало известно число аварий с беспилотниками в России // Auto.ru. 2026. 12 апреля. URL: <https://auto.ru/mag/article/stalo-izvestno-skolko-raz-rossiyskie-bespilotniki-ustroili-avarii/> (дата обращения: 12.04.2026).

искусственного интеллекта можно упрекнуть в том, что он не довел свою программу до необходимого с точки зрения безопасности завершения (хотя в такой позиции заключена возможность злоупотребления правом, стоит только с помощью такого механизма, но случайно, причинить вред), то создателя генеративного агрегата привлечь к ответственности в рамках ныне действующих правовых возможностей крайне затруднительно, поскольку разработчик всегда может сослаться на форс-мажор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая правовую лагуну в связи с очевидно небезопасными разновидностями искусственного интеллекта, а также с учетом вероятностного характера любой разработки, не прошедшей должной апробации или имеющей потенциал угроз общественной безопасности, безопасности отдельной личности, обществен-

ного спокойствия, считаем целесообразным предпринять следующие шаги.

Во-первых, создать кодекс этики социальных отношений, в котором должна присутствовать такая запись: «Создание механизмов, способных работать в отсутствие человека на основе заданных алгоритмов, а также механизмов, основу которых составляет нейросеть, должно быть под строгим контролем государственных органов. Такие механизмы должны быть использованы в строго определенных целях и не могут быть доступны для широких социальных нужд без специального разрешения. В случае нарушения установленного правила наступает ответственность по нормам российского законодательства».

Во-вторых, в рамки УК включить норму ст. 41.1, изложив ее в таком виде «Не является преступлением причинение вреда охраняемым УК ценностям в случае использования искусственного интеллекта с разрешения контролирующих органов, если основой такого вреда стали форс-мажорные обстоятельства».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архиереев Н.В.* Искусственный интеллект и предиктивное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 4. С. 35–38. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-4-35-38.
2. *Брановицкий К.Л., Ярков В.В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 19–26. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_19. EDN: SJCVOZ.
3. *Волков К.А., Певцова И.Е., Тулиглович М.А.* Искусственный интеллект в правосудии: на пересечении права и технологий // Российский судья. 2025. № 9. С. 58–61. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-9-58-61.
4. *Исаев И.И.* Мифологемы закона. М.: Проспект, 2015. 461 с.
5. *Константинов П.Д.* Судейское усмотрение, шаблонность судебных решений и природа правосудия в свете предиктивного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 27–31. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-7-27-31. EDN: YKKTNY.
6. *Лаптев В.А.* Искусственный интеллект в суде – одна инстанция: на пути развития цифрового правосудия // Российский судья. 2024. № 11. С. 44–51. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-11-44-51.
7. *Лапшин А.Е.* Контуры лжетворения. М.: Опустошитель, 2021. 200 с. (Extremum).
8. *Мирзоян М.Э.* Образование в условиях цифровых технологий: проблемы и перспективы // Современное юридическое образование: традиции и инновации Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА): сборник тезисов докладов / отв. ред. В.В. Блажеев, М.В. Мажорина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 196.
9. *Михайлова Е.В.* Цифровые технологии в судопроизводстве: перспективы развития // Российская юстиция. 2024. № 5. С. 48–53. DOI 10.52433/01316761_2024_05_34. EDN: KYGOUI.
10. *Пивоваров Д.В.* Религия в поисках истины, знания и веры. СПб.: Алетей, 2017. С. 483.
11. *Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е.А.* Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 2 (28). С. 111. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-108-113. EDN: IZJWEW.
12. *Черных И.И.* Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 58–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.058-072. EDN: MIVBZS.

REFERENCE

1. *Arkhieriev N.V.* Artificial intelligence and predictive justice. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2025. No. 4. Pp. 35–38. (In Rus.). DOI: 10.18572/1812-383X-2025-4-35-38.
2. *Branovitskiy K.L., Yarkov V.V.* Possible directions for the transformation of the civil process in the context of digitalization and the pandemic: Predictive justice. *Russian Law: Education, Practice, Research*. 2021. No. 4. Pp. 19–26. (In Rus.). DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_19. EDN: SJCVOZ.
3. *Volkov K.A., Pevtsova I.E., Tuliglovich M.A.* Artificial intelligence in justice: At the intersection of law and technology. *Russian Judge*. 2025. No. 9. Pp. 58–61. (In Rus.). DOI: 10.18572/1812-3791-2025-9-58-61.
4. *Isaev I.A.* Mythologems of the law. Moscow: Prospekt, 2015. 461 p.
5. *Konstantinov P.D.* Judicial discretion, stereotype of court decisions and the nature of justice in the light of predictive justice. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2020. No. 7. Pp. 27–31. (In Rus.). DOI: 10.18572/1812-383X-2020-7-27-31. EDN: YKKTNY.
6. *Laptev V.A.* Artificial intelligence in court – one instance: On the path of development of digital justice. *Russian Judge*. 2024. No. 11. Pp. 44–51. (In Rus.). DOI: 10.18572/1812-3791-2024-11-44-51.
7. *Lapshin A.E.* Contours of false creation. Moscow: Opustoshitel, 2021. 200 p. (Extremum).
8. *Mirzoyan M.E.* Education in the conditions of digital technologies: Problems and prospects. In: *Modern legal education: Traditions and innovations of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. Monograph. V.V. Blazheev, M.V. Mazhorina (eds.). Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. Pp. 190–197. (In Rus.)
9. *Mikhaylova E.V.* Digital technologies in legal proceedings: Development prospects. *Russian Justice*. 2024. No. 5. Pp. 34–40. (In Rus.). DOI: 10.52433/01316761_2024_05_34. EDN: KYGOUI.
10. *Pivovarov D.V.* Religion in search of truth, knowledge, and faith. St. Petersburg: Aletheia, 2017. P. 483.
11. *Safuanov R.M., Lekhmus M.Yu., Kolganov E.A.* Digitalization of the education system. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series: Economy*. 2019. No. 2 (28). Pp. 116–121. (In Rus.). DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-108-113. EDN: IZJWEW.
12. *Chernykh I.I.* Legal forecasting in the sphere of civil proceedings under conditions of information technologies development. *Actual Problems of Russian Law*. 2019. No. 6 (103). Pp. 58–72. (In Rus.). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.058-072. EDN: MIVBZS.

Иванов Н.Г., Мирзоян М.Э.

Статья проверена программой Антиплагиат

Статья поступила в редакцию 29.01.2026, принята к публикации 21.02.2026

The article was received on 29.01.2026, accepted for publication 21.02.2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Никита Георгиевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, полковник милиции в отставке; профессор, кафедра уголовного права и криминологии; Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); г. Москва, Российская Федерация; главный редактор; журнал «Лоббирование в законодательстве»; г. Москва, Российская Федерация. РИНЦ Author ID: 329534; SPIN-код: 4122-5422; E-mail: puasson2008@yandex.ru

Мирзоян Мария Эдвардовна, старший преподаватель, кафедра гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); г. Москва Российская Федерация. РИНЦ Author ID: 702352; SPIN-код: 5976-7749; E-mail: maria1657@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nikita G. Ivanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honorary Lawyer of the Russian Federation, retired Police Colonel; Professor, Department of Criminal Cases and Criminology; All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); Moscow, Russian Federation; editor-in-chief, journal "Lobbying in the Legislative Process"; Moscow, Russian Federation. RSCI Author ID: 329534; SPIN-code: 4122-5422; E-mail: puasson2008@yandex.ru

Maria E. Mirzoyan, senior lecturer, Department of Civil and Administrative Procedure named after M.S. Shakaryan; Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Moscow, Russian Federation. RSCI Author ID: 702352; SPIN-code: 5976-7749; E-mail: maria1657@yandex.ru